

НОСТАЛЬГИЯ ПО МУШКЕТЕРСТВУ

(Из беседы с Анатолием Кашепаровым)

Он практически не изменился: внешне такой же летящий и мажорный, а внутренний его мир, как и четыре с хвостиком десятилетия назад, остался не просто верным, а, скорее, прикипевшим к «песняровскому» духу. Тому, истинному, который проповедовал его великий учитель: «Песняры» — не торговая марка, а стиль всей жизни. И он накрепко усвоил уроки пройденной у Мулявина школы: профессиональные и человеческие. Анатолий Кашепаров (Коша, как ласково зовут его близкие и друзья) — тот самый «золотой» голос «золотого состава» мулявинских «Песняров», заслуженный артист Беларуси. Судьба забросила его далеко, на американский континент, но весь он здесь, на родине, в Беларуси, в прямом и переносном смысле. Его любят, помнят и ждут на всем постсоветском пространстве, где, к счастью, яркие таланты не забываются.

Не могу отделаться от мысли, что Анатолий напоминает мне одного из великолепных мушкетеров, героя популярнейшего мирового бестселлера Александра Дюма. Кого из них? Ну конечно же, изящного романтика Арамиса! А так хочется еще назвать благородного, мудрого Мулявина — Атосом и ставшего с годами вальяжным Борткевича — Портосом (если помните, впоследствии барон дю Валлон). Да, в их жизни был воплощен тот мушкетерский девиз, когда в трудную минуту гений бросил клич: «Один за всех и все за одного!» Но это уже субъективные художественные вольности в моих ассоциациях...

Итак, Анатолий Кашепаров. Его открыл Мулявин, специально приходивший несколько вечеров подряд в ресторан минской гостиницы «Юбилейная»,

Анатолий Кашепаров. 1983 г.

Во Дворце спорта. Минск. 1978 г.

чтобы прислушаться к необычайно звонкому и струящемуся родниковым тембром голосу молодого исполнителя из любительского ансамбля «Синие гитары». Так осенью 1971 года Анатолий стал солистом «Песняров». И оставался им без малого еще восемнадцать лет. Но гармонию алгеброй не перешибить. Дело не в том — «сколько», а в том — «насколько»: ярко, неповторимо, непревзойденно и еще много эпитетов, определяющих настоящее искусство. Хотелось узнать о нюансах творческого взлета Анатолия Кашепарова от него самого, о его постижении песни через «школу Мулявина», равной которой не было и нет до сих пор. Но обладатель эксклюзивного голоса упрямо уходил от заданной темы. Так что же его волнует сейчас, когда «свет далекой звезды», исходящий из прошлого, становится все более отчетливым в сегодняшней жизни?

— История моя в «Песнях» началась 44 года назад. Тогда я, совсем молодой певец, студент Белорусского политехнического института, имея за плечами музыкальное училище, где занимался по классу баяна, освоил гитару и фортепиано, выступал в одном из минских ресторанов в качестве вокалиста группы «Синие гитары». Вот там-то меня и заметил Владимир Мулявин. Познакомились. Я тогда уже много слышал про его ансамбль «Песняры», который был уже у всех на слуху. Но о том, что я каким-то образом и когда-либо смогу «влиться» в состав его музыкантов, не могло быть и речи: «Песняры» казались недосягаемыми для меня, обычного вокалиста, каких много. Однако, к моему удивлению, Владимир Георгиевич, прослушав меня, заявил: «Беру тебя в мой ансамбль. Приходи завтра!» И, не дождавшись ответа, ушел. Накануне я всю ночь не мог уснуть — боялся, что не справлюсь. И — не пошел. Прошло месяца три, и вдруг случайно встречаю Мулявина у кинотеатра «Победа». Он удивился: «Ну что ж ты, Толя, не пришел? Я ведь ждал тебя. Давай завтра к десяти утра — и никаких отговорок. Не подведи на этот раз...» Теперь я не стал искушать судьбу. С тех пор мой «песняровский» путь начал свой отсчет и в круговороте бешеного ритма я провел почти два десятилетия...

Этот период, очень важный в моей биографии, — не только слава, бешеная популярность, цветы, фанфары, поцелуи. Это тяжелый труд и не всегда — удовлетворение. Ведь не все песни нравились публике, и мы от них отказывались. Мулявин отказывался. Порой, может, зря. Вот, скажем, человек пропускает какую-то песню через себя, через свое сердце, но хлопать в ладоши не станет. Она остается в нем, внутри. Надолго. Другое дело — «Вологда». Мне приходилось исполнять ее по несколько раз за концерт. Однажды в ресторане в городе Минне-аполисы мне с разных столов подарили 48 бутылок шампанского! А эту старую песню мы записали буквально за 15 минут! Мы ее с Мулявиным переиначили специально для юбилейного вечера Михаила Матусовского в Колонном зале Дома союзов. Сначала Володя музыку Мокроусова упростил, а затем — и я. И после исполнения ее по телевидению в 1976 году она стала популярной.

Многие не помнят, но именно я с подачи Мулявина стал первым исполнителем прекрасной песни Александры Пахмутовой «Я не могу иначе». Долго к ней не возвращался, а сейчас могу снова петь ее с огромным удовольствием. Кстати, Валя Толкунова, в версии которой эта вещь знакома большинству слушателей, впоследствии, улыбаясь, просила у меня прощения. А с Александрой Николаевной я до сих пор дружу и периодически общаюсь.

Было время, когда мы давали по пять — семь концертов в день. Вживую! Голоса уже хрипели, мы их восстанавливали разными способами, но — вкальвали. Три концерта в день, перелет — и это мы считали отдыхом. Конечно, особенно запомнились наши первые гастролы в США. У Володи тогда в руках была гитара фирмы «Gibson» — большая редкость, очень популярная в Америке, очень дорогая и престижная. И вот, когда Мулявин взял аккорды, а мы запели «Ой рана на Ивана», американцы были просто потрясены! Ну а потом, естественно, журналисты стали задавать нам вопросы. Спрашивают у Мулявина: «Вот мы видим у вас гитару «Gibson»... Где вы ее приобрели?» — «Да у нас этими гитарами завалены все универмаги! — отвечает Владимир Георгиевич.— В продаже только «Gibson» и есть...» А журналистская братия все это воспринимает очень серьезно и верит каждому нашему слову. Между тем, денег у нас — только суточные. Нам Госконцерт выделил на неделю по 112 долларов на человека — смешная сумма. А когда тележурналисты начинали донимать нас в супермаркетах, мы по знаку Мулявина подходили к самым дорогим вещам и как бы серьезно приценивались: покупать или нет... В общем, и смешно, и грустно...

Что говорить? Помимо всех его бесспорных музыкальных талантов, для нас Мулявин всегда был, прежде всего, нормальным мужиком. Общительным, но при этом немногословным, доброжелательным, с потрясающим чувством юмора. Он полностью соответствовал роли лидера, и никто не собирався ее оспаривать. Впрочем, свое лидерство Мулявин никогда не демонстрировал.

Весной 1988 года произошло то, что произошло. У меня появилась потребность получить высшее образование по специальности «Эстрадная режиссура». А это ГИТИС. Однажды во время паузы в гастролях я приехал в Москву и сразу — в институт. Узнал, что нужно сдавать аж семь экзаменов. Ну что ж, семь так семь — стал готовиться, выделяя на сон не более трех часов в сутки. Все экзамены сдал нормально, только на последнем — «История КПСС» — чуть не засыпался. Думаю, все — трояк, а значит, по баллам не прохожу. И я пошел ва-банк: просто взмолился перед педагогом: мол, не успел как следует подготовиться, все концерты да репетиции, много работаю в «Песнях»... Она на меня глаза из-под очков: узнала. Наверное, по

«Вологде». Поставила «хорошо». Учился я заочно. Из Минска вырывался почти на месяц на сессию. Кстати, сценическую речь проходил у мужа моей наставницы — Романа Филиппова. Прямо у него дома. И, в конце концов, заработал на экзамене «пятерку». После «Вологды» летать и ездить в Москву мне было просто. Если в кассах не было билетов — все равно находили. Бывало, что и летчики с удовольствием брали меня с собой в кабину. Словом, помогали все: от УГРО до КГБ. Кто бы мог подумать, что какая-то «Вологда» станет моим счастливым билетом в прямом и переносном смысле? Но все равно из-за учебы в институте мне пришлось уйти из ансамбля. Гастроли «Песняров» были расписаны на несколько месяцев вперед, а мне оставалось всего пару недель до выпускных экзаменов и диплома. Пропустить эту «пару недель» я не мог. И тут мне: «Или ты едешь на гастроли, или...» Я разозлился и выбрал второе «или» — ушел.

С тех пор мы с Володей долго не виделись. Я уже решил, что с «Песнярами» покончено и нужно думать о дне завтрашнем. Но однажды на заправке опять случайно столкнулся с Мулей. Он ко мне, обнимает: «Толя! Я так рад тебя видеть! Ты куда пропал?» Я опешил, растерялся: никак не ожидал от Мулявина такой радости. Ему это было не свойственно, он же — мужик! А тут он говорит: «Ну, ты отдохни месяц-два, столько, сколько тебе надо, и возвращайся...» Из его слов я понял, что не мулявинская была эта инициатива — делать гастроли во время моих государственных экзаменов. Я сказал: «Спасибо за доверие, Володя, но как там жизнь сложится...» Он мне в ответ повторил еще раз: «Пробудь столько, сколько надо, и возвращайся...»

В то время уже было ясно, что, увы — со своим высшим образованием я оказался в стране не востребовавшимся. Советский Союз

развалился, и за моих дочерей стало страшно. Кругом бандиты, мафия, коррупция. А после одного случая, когда прямо на моих глазах напали на мою старшую дочь Лену, я тогда твердо решил: надо уезжать. Потому что больше всего опасался за своих дочерей и жену. Уезжал к друзьям. Думал, на время. Но не покидала мысль: выдержу ли там без концертов, без популярности, без публики, без оваций? Выдержал — благодаря поддержке Ларисы, моей жены. Конечно же, это щемящее душу состояние скрашивала моя семья. Я деток своих, красивых и душой и телом, вырастил на чужбине, у всех все было, и мои самые близкие на свете люди не чувствовали себя чем-то обделенными. А что главное? Деревьев я за свою жизнь посадил очень много, сына и дочерей воспитал. Конечно же, у меня есть свои недостатки, и ткните пальцем, у кого их нет. Но все же, все же...

Где жили? Сначала в доме владельца одного из клубов. Там же, в Нью-Йорке, родился и наш сын Данила. Потом были съемные квартиры в других местах, пока, в конце концов, не обосновались в теплой и уютной Флориде. Купил ресторан-пиццерию, а потом открыл и второй. Что-то получалось, что-то нет. Всякое было. Но сейчас речь не обо мне.

Одно скажу: как бы там ни складывалась моя жизнь — я оставался таким, каким был на родине, без которой долго существовать не мог. Не скрою: в Америке меня всегда волновало то, что происходило в моих пенатах. На протяжении еще долгих лет меня преследовали ностальгические воспоминания. Часто виделось во сне, что я на сцене. Конечно же, это ностальгия. Ностальгия по тому огромному отрезку жизни, который был пройден на моей любимой земле рядом с «Песнярами». Собственно, ансамбль с этим брендовым названием для каждого из нас тогда был ВСЕМ! И по-

тому при первой возможности, особенно тогда, когда меня звал Мулявин, я мгновенно садился в самолет. Летел к Володе, летел на юбилей «Песняров», на «Славянские базары в Витебске». Летел в Минск, Москву и другие города, где меня ждали.

Но теперь я хочу сказать о том, что до сих пор не могу принять ни сердцем, ни разумом. Причин, которые во второй половине 1990-х годов привели ансамбль к появлению необратимых «метастаз» в его творческом организме, много, и в них предстоит еще разобраться.

Но иногда думаю: а может, уже и не стоит ворошить «грязное белье» да выяснять, почему так произошло? Ведь все без исключения «песняры» назывались талантливыми людьми, и надо бы им как бы и дальше держаться друг друга. С другой стороны, жизнь — не константа, она, разумеется, не стоит на месте, и, возможно, надо было предлагать новые формы развития ансамбля за счет каких-то новых людей. И пусть бы кто-то из новичков себя оправдал, а кто-то

Фотосессия на пленере. А. Кашепаров — с лирой.

нет, но в коллективный «песняровский» организм влилась бы свежая кровь. Хотя некоторые все еще и сейчас кричат: «Я — «песняр!»», а на самом деле — «нечто», которое всю жизнь сидело бы в ресторане, и никогда бы о нем никто не вспомнил.

Когда Мулявин приехал ко мне на месяц в гости во Флориду, у нас с ним родились большие планы на будущее. Не хочу их сейчас озвучивать, потому что человека уже нет. А тогда мы думали о новых совместных проектах, так как я оставался для Мули одним из немногих, кто его не предал. И пускай там маститый певец упрекает сегодня: мол, где вы все были раньше? Отвечу: были, но приехать в ту пору из-за океана лично я не мог. И, тем не менее, незримо находился с Мулявиным на связи, рядом. Повторюсь: я этого человека не предал ни живого, ни мертвого — и тем горжусь. Собственно, такое мое кредо жизненное: о нормальном человеке слова не скажу плохого, а то, что там вокруг говорят... К сожалению, сейчас общение между людьми искусства, в частности, и близко знакомых мне, происходит на недостойном, низком, обывательском уровне, постоянно культивируются-мусолятся какие-то слухи, домыслы, и мне все это жутко не нравится.

И все же, несмотря на всяческие жизненные перипетии, мне очень повезло. Благодарен безмерно Владимиру Георгиевичу, что в моей судьбе был коллектив действительно потрясающего профессионализма и харизмы, уникальный «золотой состав» тогдашних «Песняров». Нищего профессионализма и харизмы, уникальный «золотой состав» тогдашних «Песняров», кто сегодня и близко не сделал для своего народа того, что совершили в свое время «Песняры», особенно в 70–80-е годы, и я уже понял, что вряд ли кто повторит подобное. Но тех «Песняров» не реанимировать. А все остальные «бывшие», так сказать, хотят кушать, поэтому и работают под звучной маркой, раздробившись на клоны и клончики, поделившись на кланы и кланчики, и кто-то молчит, держит язык за зубами, так как стал зависимым от призрачных материальных благ.

Мулявин был серьезный мужик, настоящий Мужик с большой буквы. Со своим железным внутренним миром, который по независящим от него причинам нещадно порушили. Тот пресловутый вызывающий уход в 1998 году «песняровского» костяка из госансамбля, что вызвал «желтую» бурю в «стакане» средств массовой информации,— жестокий удар Мулявину. Володя мне говорил: «Никогда в жизни, ни при каких обстоятельствах ни одного из них не прощу...» Мужик сказал — мужик сделал. А то, что они возомнили о себе что-то необычайное, ну что тут скажешь... Это участь средних человечков, я бы сказал. Они сами вообще-то ничего выдающегося не сделали, только одно шуршание вокруг. Шелестя не по сезону, понимаешь? Суета сует, не более того.

8
Концерт «Песняров» на минском стадионе «Динамо». Праздник города. 3 июля 1987 г.

Да, нас называли в те золотые времена кумирами, но мы этого не осознавали — были нормальные пацаны. Помню, как однажды вышли после выступления из здания Московского государственного театра эстрады, а нас плотным кольцом окружили девушки-фанатки. Они подняли нашу машину и пронесли несколько метров. Это же все было! А когда в Государственном центральном концертном зале «Россия» должно было состояться наше выступление, за три месяца до его начала люди жгли ночью костры, записывались в очередь, чтобы купить билеты на «Песняров». А конная милиция в парке Горького в Минске или на улицах Одессы, где проходила демонстрация после концертов «во

славу нас»? И это было. Было и то, что мы в гигантском зале спорткомплекса «Олимпийский» в Москве работали «живьем» на сорок с лишним тысяч зрителей. Зал тот никогда никто в жизни не отработал с таким аншлагом, кроме нас, «Песняров». Да, может быть, еще британская рок-группа «Pink Floyd» в те времена имела подобный аншлаг в том же зале.

Мы были в общественном фаворе. Для нас был даже выделен самолет (под аппаратуру и для артистов ансамбля), на котором мы летали на гастроли. Тридцать четыре человека работало в нашем штате: не только музыканты, но и другие сотрудники — семеро «тосканини», как мы называли загружающих-разгружающих аппаратуру и оборудование рабочих, а также осветители, звукорежиссеры, директора, администраторы, костюмерши.

Ведь все это было. А куда исчезло потом? Конечно, можно не лукавить, признав, что и наша вина была в медленном разрушении творческого фундамента ансамбля. Кому-то надо было в какой-то момент взять в свои руки инициативу, чтобы разрулить назревшую ситуацию.

Думаю, что если бы я не уехал, а остался с «Песнярами», то такого раздрая, возможно, и не произошло бы. Может быть, я слишком много на себя беру?

Да, у каждого своя правда, и все зависит, в конце концов, от того, как человек воспитывался, что в него вложили мама и папа, общество, школа, двор. От этого идет дальнейшее его восприятие мира. Если человек «формировался» во дворе, значит, он и будет существовать с «дворовым» мышлением. И несмотря на то что этот факт биографии можно скрыть, потом он все равно вылезет наружу в определенных обстоятельствах.

Когда у меня в 2015-м проходили гастроли в Израиле, я позвонил Лёне Тышко, который живет в Тель-Авиве, и пригласил его на концерт. В зале был аншлаг: тысяча незнакомых, чужих для меня людей, а мой ближайший коллега, товарищ по «Песнярам», так и не появился. Конечно же, для меня это было неожиданно. Надеюсь, что с ним тогда ничего такого не произошло. Но все равно, очень жаль, когда рвутся духовные нити, скреплявшие много лет единый и действительно прекрасный «портрет», вытканый Мулявиным на «полотне эпохи» под названием «Песняры».

А вообще я очень рад, что сегодня могу летать в любую страну, какую захочу, работать, где захочу, как захочу, с кем захочу. Я человек-трудяга. У меня есть свой репертуар, и я не тяну из прошлого все песни. У меня и в Штатах есть хорошие музыканты — американские парни. У нас свой проект, мы делаем какие-то обработки. Но хотелось бы все это, конечно, показать и в моей Беларуси. Я начинал как музыкант, им и останусь. Без песни, без музыки я не представляю жизни. Как и без Памяти о моем учителе и друге Владимире Георгиевиче Мулявине...

С учителем и другом. 2000 г.